

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Инал-Ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 2011. Т. III.
2. Плиний Секунд. Кн. VI, 14 и 30 // Вестник древней истории (ВДИ). 1949. №2.
3. Дионисий Периегет. Описание населенной земли // ВДИ. 1948. №1.
4. Гайдукевич В.Ф. Боспорское Царство. М. ; Л., 1948.

BIBLIOGRAPHY

1. Inal-Ipa S.D. Issues of ethnocultural history of Abkhazians. Volume III. Sukhum, 2011.
2. Pliny the Second. Book. VI, 14 and 30 // VDI. 1949. № 2.
3. Dionysius Perieget. Description of the inhabited earth // VDI. 1948. №1.
4. Gaidukevich V.F. Bospor Kingdom. M. ; L., 1948.

УДК 7.01:008 (520)

К.С. Ганова, Алтайский государственный университет (Барнаул)

Научный руководитель:

*Мелехова Ксения Александровна, кандидат искусствоведения,
доцент Алтайского государственного университета*

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются эстетические основы японской культуры, выраженные в ее эстетических категориях. Автор исследует составляющие идеала прекрасного, проявляемые в историко-культурных символах, выявляет особенности художественного языка, средства выразительности японской культуры – простоту и утонченность, силу и строгость, энергию и покой, проявившиеся во всех видах искусства.

Ключевые слова: эстетика, «ваби-саби», «аварэ», «югэн», история, культура Японии.

K. S. Ganova, Altai State University (Barnaul)

Scientific adviser: Melekhova Ksenia Aleksandrovna, candidate of art history, associate professor of Altai State University

AESTHETIC CATEGORIES OF JAPANESE CULTURE

The article examines the aesthetic foundations of Japanese culture, expressed in its aesthetic categories. The author explores the components of the ideal of the beautiful, expressed in historical and cultural symbols, reveals the features of the artistic language, the means of expressiveness of Japanese culture – the simplicity and refinement, strength and rigor, energy and peace manifested in all forms of art.

Key words: aesthetics, “wabi-sabi”, “avar”, “yugen”, history, culture of Japan.

В японской культуре идеал прекрасного целостно выражен в трех образах, трех историко-культурных символах: очарование вещей «моно-но аваре», сокровенная красота «югэн» и красота одинокой печали «саби». Эти понятия – сердцевина японской эстетики, поэтики, мировосприятия и мирозерцания. Художественной культуре Японии свойственны особый художественный язык, художественный строй, средства выразительности. Воедино сливаются простота и утонченность, сила и строгость, энергия и покой. Эти характерные черты проявились во всех видах искусства: архитектуре, скульптуре, живописи, декоративно-прикладном творчестве.

Простота и утонченность всегда считались эстетическими качествами, присущими японской культуре, и были важнейшими особенностями жизни японцев с древних времен. Эстетические категории «ваби» и «саби», на развитие которых повлияли синтоизм, буддизм, дзен-буддизм, наиболее ярко отразили этноспецифику культуры и повлияли на формирование особого отношения японцев к природе, художественным традициям, быту.

На формирование японской эстетики огромное влияние оказала система традиционных верований, в частности синтоизм. Согласно священной книге японцев «Кодзики» боги рождаются из первоестественной стихии: «Когда Земля была еще совсем юной и плавала, словно масляное пятно, колыхаясь, как студенистая медуза, явился в мир, вырвавшись из ее недр, словно молодой побег бамбука, бог роста и проявления скрытых сил природы... Божество – священный сын, дух природы, явленный в могучем побеге бамбука» [1, с. 417].

В Японии эстетика стала формироваться в эпоху Хэйан (столица Японии IX–XII вв., нынешний город Киото). Эпоха Хэйан считается «золотым веком»

японской культуры. Образцом для Хэйана был танский двор, который во времена своего процветания стал центром искусств, центром утонченного эстетизма в поэзии и жизни. Культ красоты во всех ее многообразных проявлениях, служение прекрасному – вот что руководило хэйанцами в их действии и мышлении. В работе над созданием этого принципа соединились все культурные факторы века: и китаизм, и буддизм. «Некрасивое – недопустимо» – так гласил неписанный, но категорический закон Хэйана, и отступление от него каралось если и не правосудием, то общественным презрением. «Допустившие поступки, противоречащие этому закону, – отмечает Конрад, – переставали быть «своими» для этого общества» [2, с. 151–165].

В середине XIII в. в Японии все слова были разбиты на две группы: «моно-но» (имена вещей) и «кото» (слова). В «кото» включалась вся непредметная лексика. «Моно», обозначающее предмет или существо, в ранней японской поэзии употребляется в тех случаях, что кокоро – сердце, суть, сердцевина; ура – изнанка, сокровенная часть. Таким образом, «моно» – это сокровенное ядро вещи, ее дух. В понятие «кото» вкладываются значения «событие, причина, связь» [3]. Считалось, что все, окружающее человека (предметы и явления), таит в себе очарование «аварэ». Знать очарование вещей – значит понимать прекрасное. В древности «аварэ» означало чувство взволнованности, растроганности. В эпоху Хэйан «аварэ» стали понимать как гармонию мира [4].

Само слово «аварэ» имеет скорее эмоциональную, чем понятийную природу, восходя к междометию аппарэ («ах!»). Этому слову, переводимому обычно как «очарование», присуща масса оттенков, связанных с применением данного междометия. И всё же превалирующим среди этих оттенков стало очарование, красота, ибо по синтоистским понятиям именно в ней выражается божественная сущность мира. Умение увидеть эту сущность, эту красоту в окружающих вещах и составляло отличительную черту такого восприятия. Примечательно, что по одному из определений ками – это то, что вызывает восторг (аварэ).

Чувство гармонии являлось одним из важнейших моментов восприятия «моно-но аварэ». В японском толковом словаре «Кодзиэн» моно-но аварэ трактуется как «ощущение гармонии мира, вызываемое слиянием субъективного чувства (аварэ) с объектом (моно)». Такое слияние, органически присущее синтоистскому мироощущению, помогло японцам воспринять махаянистскую идею о тождестве сансары и нирваны, мира дольного и мира горнего, а через неё – идеи дзэн-буддизма, ставшей основой мировоззрения последующей эпохи Камакура.

В эпоху Камакура (1185–1333) «аварэ» свелось к постижению скрытой, таинственной, непознаваемой сути всего сущего «югэн», выражен-

ной в любовании простыми, неброскими, одинокими предметами, создававшими настроение «ваби-саби». Понятия «ваби» взаимосвязано с «саби», если постижение сущности «ваби» приближает к постижению истинной сути всех явлений окружающего мира, то «саби» – грусть, вызванная как раз постижением этой истинной сути. Это понятие и сегодня определяет важнейшую суть многих традиционных видов искусств Японии – дизайн керамических изделий зачастую очень незамысловат, цвета скромные; структура японских стихов проста и незатейлива, но и те, и другие воплощают простоту и элегантную красоту, оформление садово-парковых зон безупречно и гармонично, но и те, и другие воплощают простоту и элегантную красоту [5].

Не нужно забывать и о буквальном значении слова: саби – «патина», «налёт старины». Японцы всегда предпочитали старую вещь новой. Замшелый камень, потемневшее от времени дерево, стёртые ступени старинной лестницы – всё это живёт, дышит, говорит о былом. Принцип «ваби» и «саби» отразился в искусстве кокэси, проявился через простоту, изысканность, незамысловатость и глубокую семантику. Философия кокэси – достижение целостности и гармоничности через формообразование и специфику эстетического решения. И эта философия сделала кокэси одним из национальных видов искусства Японии [6, с. 232].

Ещё одной ценностью японской культуры, в которой отражены принципы «ваби-саби», является стремление к интимному пространству. Этот принцип ими назван «принципом сосновой иглы». Один цветок полнее и глубже выразит природу и сущность цветка, чем огромный букет. Литературовед Игараси Тинара сказал о саби так: «саби объединяет в себе изысканное и простое... именно гармоническое слияние этих двух элементов создаёт ту изумительную красоту, которую мы называем «саби». Не пережив «саби», нельзя почувствовать истинной прелести ни икэбаны, ни садов, ни других произведений искусства».

Икебана – искусство составления композиций из цветов – одно из проявлений отношения к природе. Создателями искусства икебана стали буддийские монахи, для которых составление букетов было одной из духовных практик. Композиция состоит из трёх компонентов, олицетворяющих небо, человека и землю. За многие столетия сложились школы икебана, но в целом общие закономерности присутствуют в каждой из них. Это асимметрия, простота, кажущаяся незавершённая, смысловая наполненность каждого элемента – цвета, материала вазы, самих цветов, что так свойственно для «ваби-саби» [6].

Слово «югэн» весьма многозначно: оно содержит и вполне определенные четкие значения, и множество оттенков, полутонов, это слово-поток, слово-настроение, слово-мыслеобраз. Понятие «югэн», по мнению япон-

ских исследователей, пришло в японский язык из китайских философских трактатов. Это двусоставное слово, в котором «ю» означает «темно-глубокий», а «гэн» – «чернота, тьма непроницаемая». Первоначально, подчиняясь своей этимологии, «югэн» означало бытие, непроницаемое для радио; оно было общим обозначением всего метафизического. Скрытая, трудно достижимая красота ценится в рамках эстетики «югэн» больше, чем красота очевидная, открытая, смелая.

«Югэн» как эстетическое понятие впервые было употреблено в поэтических теориях XII в. – теориях конца эпохи Хэйан. В трактате «Избранные места на каждый месяц» поэт Тэйка Фудзивара перечисляет десять стилей танка, один из которых назван югэнтай – стиль в духе «югэн». Другой поэт, Акира Камотанга, определяет этот стиль так: «Это просто отголосок чувства, которое не проявляется в слове, это тень настроения, не явленного в мир. Это настроение, которое охватывает красивую женщину, подавившую в себе сердечную горечь; это глубокое обаяние осенних гор, что проглядывают сквозь пелену тумана» (цит. по: [4]).

В эпоху Камакура «югэн» выражает впечатления и чувства, которые испытывает человек, когда он созерцает лунный свет, струящийся сквозь дымку проплывающего облака, любуется кружением снежинок, сверкающих, как серебро. «Югэн вмещает в этом образе нечто новое: прямое указание на причастность к свету и сверканию, но свету холодному, отрешенному – это прохлада буддизма».

Таким образом, в контексте японской культуры в любом произведении искусства особенно важным должно быть идущее от творения, будь то картина, песня, стихотворение или кукла – ощущение вселенной, ощущение звука, ощущение момента и детали. Это ощущение тонкое, звуки неслышные, но они должны чувствоваться зрителем, слушателем. Именно тогда может прийти проникновение и в смысл, и суть основных эстетических категорий «ваби» – «саби», «югэн», «аварэ», и в осознание особой роли даже самого незначительного предмета во времени и пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кодзика. Запись о деяниях древности // Восточный альманах. М., 1974. Вып. 2.
2. Конрад Н.И. «Исэ-моногатари» // Избранные труды. М., 1978.
3. Ермакова Л.М. Ритуальные и космологические значения в японской поэзии // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
4. Гудимова С. А. Символы японской эстетики // Культурология. 2008. № 2(45).

5. Ганова К. С. Проявление эстетических категорий «ваби» и «саби» в искусстве японской традиционной куклы кокэси // Культурное наследие Сибири. 2016. № 2.

6. Ганова К. С. Критерии художественности в японском искусстве через эстетические категории «ваби» и «саби» // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования : сб. статей. Барнаул, 2015.

BIBLIOGRAPHY

1. Kojiki. A record about the deeds of antiquity // East almanac. M., 1974. Вып. 2.

2. Konrad N.I. "Ise-monogatari" // Conrad N.I Selected Works. M., 1978.

3. Ermakova L.M. Ritual and cosmological meanings in Japanese poetry // Archaic ritual in folklore and early literary monuments. M., 1988.

4. Gudimova S. A. Symbols of Japanese aesthetics // Culturology. 2008. № 2 (45).

5. Ganova, K.S. The manifestation of aesthetic categories of "wabi" and "sabi" in the art of the Japanese traditional kokeshi doll // Cultural heritage of Siberia. 2016. № 2.

6. Ganova, K. S. Criteria of artistry in Japanese art through the aesthetic categories "Wabi" and "Sabi" // Lomonosov Readings in the Altai: Fundamental Problems of Science and Education : Sat. articles. Barnaul, 2015.

УДК 7.08 (574)

Е. Жанайхан,

Павлодарский государственный педагогический институт

(Павлодар, Казахстан)

М. В. Давыденко,

Алтайский государственный университет (Барнаул)

ВЫСТАВКА КАК ФОРМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ПАВЛОДАРЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Рассматриваются формы художественной жизни в Павлодаре в первой половине XX в., в частности, выставки. Анализируются работы выпускников профессиональных художественных учебных заведений, чьи обра-